

АНДРЕЙ ФУРСОВ

МИР БУДУЩЕГО

Беседа с историком

1. Куда идет этот мир (т. е. как выглядит картина будущего)?

– Мир стремительно идёт к концу капитализма. От последнего не так много осталось: рынка практически уже нет, есть глобальные монополии; государство отмирает; гражданское общество скукоживается; политика превращается в комбинацию административной системы и шоу-бизнеса, деньги потеряли ряд функций и в значительной степени перестали быть деньгами; европейцы утратили одну из своих основ – трудовую этику, капиталу почти удалось поглотить, сожрать труд, но и сам он от этого перестаёт быть капиталом.

1.1. Кто строит новый мир?

– Одновременно идут два процесса: разрушение старого мира и оформление нового. Старый капиталистический мир ломает капиталистическая же верхушка – он ей больше, по крайней мере в перспективе, не нужен. С середины 1970-х годов идёт демонтаж капитализма. Он как бы “едет” в своё “демократическое прошлое”, в эпоху “железной пяты” и ост-индских компаний, этих предшественниц нынешних транснациональных корпораций, только более крутых, чем эти последние. Свёртывание прогресса и есть способ создания мировой верхушкой **их** нового мира. Для большей части человечества этот “новый мир” обернётся новыми “тёмными веками” – не путать со Средневековьем, стартовавшим в IX в. распадом империи Карла Великого. “Тёмные века” – это время между серединой VI в. (окончательно перестала работать система римских акведуков; 476 г. как конец Римской империи – фальшивая выдумка римских первосвященников, выпячивавших таким образом свою роль) и серединой IX в.

Темновековье – это, действительно, эпоха мрака и крови, в отличие от оболганного деятелями Ренессанса и особенно Просвещения (жуликами типа Вольтера) Средневековья – светлой, вплоть до начала XIV в. эпохи; XIV–XVII вв. – новое темновековье, у которого, впрочем, был столь же зазывный, сколь фальшивый фасад – Ренессанс.

1.2. Есть ли альтернатива западной модели будущего (новым тёмным векам)?

– На данный момент такая альтернатива просматривается плохо. Сейчас главное не дать реализоваться темновековому проекту, а там будет видно.

ФУРСОВ Андрей Ильич — директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета; директор Института системно-стратегического анализа. Автор 400 научных публикаций, включая 11 монографий.

Альтернатива – сопротивление глобальной повестке, т. е. курсу на варварское сокращение населения планеты, разрушение государства (суверенитета), семьи, науки, образования, здравоохранения, последнее, как заметил М. Мур, превращается в здравоохранение.

1.3. Есть ли возможность вернуться на тот путь развития, по которому планета шла 50–60 лет назад?

– Едва ли. Возвращения и реставрации в истории невозможны. Невозможно повторить уникальную эпоху 1945–1975 гг. – рывок человечества во главе с СССР в будущее, рывок, искусственно прерванный тупой советской номенклатурой и расчётливой верхушкой капиталистического мира. Советская верхушка за этот ситуационный союз расплатилась разрушением СССР.

1.4. Можно ли вернуть людям уверенность в завтрашнем дне, надежду и оптимизм?

– Оптимизм – это состояние души сильных и цельных людей, умеющих не просто менять обстоятельства, но создавать их. Оптимизм – это нелёгкий, но в то же время радостный труд, часто наперекор судьбе. Оптимизм нельзя дать, подарить, вернуть. Он рождается в борьбе. Разумеется, есть биохимическая (генетическая) основа оптимизма, тем не менее, оптимизм – социальная функция здоровых обществ. Достаточно сравнить советское общество середины 1930-х – середины 1960-х годов (“Нам нет преград на суше и на море”, “Туманность Андромеды” И. Ефремова и многое другое) с советским же обществом 1970–1980-х годов – усталым, циничным, саркастическим и безрадостным. И это при том, что жить в 1970-е годы стало комфортнее, легче и сытнее; страх ушёл, а счастье не наступило. 1960-е годы были кратким мигмом надежд, которые не осуществились ни у нас, ни в мире.

1.5. Можно ли поставить прогресс на службу всем людям (или хотя бы большинству)?

– СССР пытался. И лет тридцать у нас это выходило. Значит – можно. Только нужно быть бдительными и помнить сталинское предупреждение о том, что по мере развития социализма классовая борьба обостряется, т. е. налицо угроза перерождения. Так оно и произошло, причём одними из первых переродились определённые сегменты ЦК КПСС и КГБ. Недоработала партийная инквизиция.

1.6. Мечта – черновой набросок будущего. О чем же люди мечтают сегодня?

– Разные люди мечтают о разном. Это зависит от того, на что они ориентированы – на явь, навь или правь. Т. е. либо на мир тёмных и вульгарных страстей (богатство и удовольствие любой ценой для себя лично и в ущерб другим), либо на солидарный труд на основе социальной справедливости и сохранения своей этнокультурной идентичности.

2. Проблема “золотого миллиарда” – самая опасная проблема современности, согласны ли Вы с этим?

– Проблема “золотого миллиарда” в том виде, в каком она формулировалась, не является самой опасной, поскольку миллиард этот размывается. В Европе его размывают арабы, турки, курды, африканцы, и их будет всё больше. Такое впечатление, что европейскую часть “золотого миллиарда” списали и спускают в “унитаз истории”, то ли пытаются селективным путём с помощью выходцев с Юга выработать из европейцев новый тип, который не числом, а умением станет биться за будущее. Правда, пока что молодые образованные европейцы эмигрируют в Канаду, Австралию, Новую Зеландию, но не в США, где скоро будет тоже горячо. Ведь там социальные проблемы замешаны на расовых: негры, которых теперь принято называть афроамериканцами, испаноязычные (латинос). Расовый и этнокультурный состав Запада меняется. Собственно, Запада в привычном смысле уже и нет. Есть постзападное постхристианское общество, стремительно закатывающееся в “лунку Истории”. Какой-то план у тех, кого Б. Дизраэли называл “хозяевами истории”, а писатель О. Маркеев “хозяевами мировой игры”, есть, но, во-первых, похоже, ситуация выходит из-под контроля. Во-вторых, развёртывается борьба

внутри мировой правящей элиты (она ведь не едина) за будущее. Вот на этих противоречиях нам и надо сыграть, как это сделал Сталин в 1930-е годы.

2.1. Какое место отведено России и русским (в обобщенном смысле этого слова, т. е. жителям России) по этому плану?

– В исходном плане места для русских и многих других незападных народов, думаю, нет. Но, повторю, план, похоже, ломается. Впрочем, несколько линий глобалисты обрабатывают очень жёстко: разрушение государства, семьи, образования, здравоохранения и науки. Это часть их глобальной повестки. Поэтому, несмотря ни на какую риторику и ситуационные громкие акции во внешней политике, я поверю в благие намерения только такой власти у нас, которая остановит погром науки, образования и здравоохранения, т. е. поломаёт глобальную повестку в этих областях. Что это за борьба за суверенитет государства сегодня, если всё идёт так, что завтра некому и нечем (отсутствует здоровых мужиков и мозгов) будет его защищать?

2.2. Какой план можем предложить вместо этого мы?

– Мы – это кто? Народ, олигархи, власть? Чтобы предложить план, нужно иметь стратегию. Чтобы иметь стратегию, нужно иметь идеологию. У нас государство – формально – без- и внеидеологическое, а удел тех, у кого в сегодняшнем мире нет идеологии, а следовательно, своего проекта будущего – пикник на обочине истории в ожидании, что, может быть, хозяева позовут на новый праздник жизни. Не позовут даже служивших им “плохишей”: “Рим предателям не платит”. Цель у России может быть только одна – выжить и победить в XXI в., сохранив идентичность, население и территорию. Это – программа-минимум. Сделать это можно только путём создания социальной системы, основанной на социальной справедливости, тогда Власть и Родина становятся одним и тем же. Люди могут убивать из-за денег, но умирать из-за денег никто не будет. За Родину – будут, Великая Отечественная война это показала. Потому-то мы и победили – за нами была справедливая социальная система, чей коллективистски-антикапиталистический характер соответствовал русским архетипам сознания и подсознания и культурно-историческому коду; как говорил Александр Блок, большевизм “есть свойство русской души, а не фракция в Государственной думе”.

XXI век станет временем жесточайшей борьбы за будущее, когда целые государства, этносы, культуры будут нещадно, без сантиментов стираться Ластиком Истории. Отморозки от власти (имя им легион, один пример – посмотрите на лицо Х. Клинтон) не останутся ни перед чем. В этой борьбе выживут и победят сплочённые социальные системы, спаянные единым ценностным кодом, характеризующиеся минимальной социальной поляризацией и имеющие в себе высокий процент носителей знания, эдакие нации-корпорации. Олигархические системы в этой борьбе не выживут, их участь – стать экономическим удобрением, навозом для сильных; собственно, иного они и не заслуживают. Во второй половине XX в. олигархизировавшиеся структуры власти в СССР дважды блокировали прогресс и жестоко поплатились за это. В середине 1960-х годов СССР готов был совершить научно-технический рывок в будущее, превратившись из системного антикапитализма в реальный посткапитализм, однако это было в интересах как советской номенклатуры, так и верхушки мирового капиталистического класса. Прорыв был жёстко заблокирован, а взлёт цен на нефть и детант внесли в советские верхи чувство успокоенности и глубокого удовлетворения. У нас нередко брежневские времена вспоминают с умилением – стабильность, уверенность в завтрашнем дне. И в краткосрочной перспективе так оно и было, однако в среднесрочной (не говоря уже о долгосрочной перспективе, брежневская эпоха была проеданием будущего, временем упущенных исторических возможностей. “Мешковатые старики... боявшиеся собственных жён” (Э. Неизвестный) профукали будущее системы – она умирала в них и посредством них. И это при том, что в многослойном СССР существовал супермощный научно-технический комплекс, который должен был рвануть в будущее не позже начала 1990-х годов. Однако если порыв 1960-х подсекил детантом и нефтью, то второй – перестройкой и разрушением СССР, в основе которых лежало банальное желание части советской номенклатуры “записаться в буржуинство”. Остаётся надеяться, что состоявшаяся в самом конце 1980-х годов эвакуация режима была

не только финансовой, но и научно-технической. Впрочем, “выстрел из будущего” – это прекрасно, но и самим надо не плошать.

3. Чтобы России (и нам вместе с ней) выжить в сложившейся ситуации, необходимо отбиться от внешней атаки. Известна истина, что, когда собаку бьют палкой, та, чтобы спастись, должна кусать не палку и даже не руку, а горло того, кто держит палку. Для того чтобы найти это горло, нужно очень хорошо представлять себе структуру современного мира, знать силы, действующие в нем и места их обитания.

3.1. Дает ли наука, которую представляете Вы, ответ на эти вопросы?

– Да, даёт. Враг России – глобальные ростовщики и обслуживающие их политики, журналисты, шоу-деятели, причём не только за пределами нашей страны, но и внутри неё. В последнем случае речь идёт о регрессорах, рушащих ценностные, интеллектуальные и технологические основы нашего общества. Но они всего лишь безликие функции глобальной матрицы, чапековские саламандры, о которых писатель говорил: “Они приходят как тысяча масок без лиц”. Иными словами, главный враг – глобальная матрица, эдакая выросшая до планетарных размеров паучиха Шелоб из “Властелина колец”. Кстати, идею глобальной Матрицы (G-Matrix) как структуры и средства, навязывающей мировому населению определённый образ мышления, выдвинули деятели Римского клуба ещё в 1970 г.

3.2. Есть ли механизм, связывающий научные достижения с политической политикой (или дипломатией, или кто там сегодня решает задачи выживания и власти) в нашей стране?

– Задачи выживания и побед в любой стране должно решать прежде всего руководство страны. Вопрос в том, насколько умело и честно оно это делает, насколько отождествляет себя со своей страной. Наконец, насколько развит у него инстинкт самосохранения, насколько он сильнее хватательного инстинкта и страсти к красивой жизни. Если последние перевесят, то рано или поздно явится История в виде Шелоб или собственного народа и скажет с нехорошей ухмылкой: “Ты всё пела? Это дело: так поди же, попляши!” И пляска эта скорее всего будет Dance macabre – пляской смерти.

3.4. Есть ли в России силы, способные привести её к спасению?

– Надеюсь, что есть. Но вообще-то спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Как пелось в “Интернационале”: “Никто не даст нам избавленья: / Ни бог, ни царь и ни герой. / Добьёмся мы освобожденья / Своею собственной рукой”. Мы долго раскачиваемся, но быстро ездим. Так что надежда всегда есть.

3.5. Как их найти и сплотить?

– Лучший способ сплочения – общее дело на основе общих ценностей. Но какое общее дело может быть у богача и бедняка, вора и нищего?

3.6. Какую идеологию должна принять Россия в XXI веке?

– Идеологии не висят в магазине на вешалке, они рождаются в кровавых и жестоких кризисах как ответ на вопрос, какое будущее мы хотим для себя, наших детей и внуков. Великие идеологии современности – марксизм, либерализм (умер в 1910-е годы, не путать с тем, что называют так сейчас на Западе и, тем более, в России) и консерватизм родились в Европе в эпоху революции 1789–1848 г.

3.7. Не пора ли в России создавать военно-духовное сословие?

– Сословия не создаются, они возникают в ходе истории. Думаю, однако, время сословий, как и монархии, прошло – отжили, *vixerunt*, как сказал бы Цицерон. Тем более в истории России сильной сословной системы, как и аристократии, не было.

3.8. На протяжении последних 400 лет в начале каждого века Россия участвовала в войне, грозящей ей уничтожением:

1610-е годы – Великая смута;

1710-е – Северная война;

**1810-е – Отечественная война с Наполеоном;
1910-е – Первая мировая.**

Это случайность или закономерность? Сейчас идут 2010-е.

– Могу привести другой ряд: Ливонская (1558–1583), с Польшей (1654–1667), Семилетняя (1756–1763), Крымская (1853–1856), Великая Отечественная (1941–1945). Их значение не меньше, так что мистики цифр тут нет.

4. “Хозяева истории” строят свои модели общества будущего. В связи с этим возникает ряд вопросов:

4.1. Всякая ли модель, придуманная человеком, сможет функционировать (т. е. быть жизнеспособной)?

– Конечно, не всякая.

4.2. Всякая ли модель будет способна к развитию?

– То же самое.

4.3. Есть ли критерии, позволяющие различать жизнеспособные и нежизнеспособные системы ещё на этапе их моделирования?

– Боюсь, что нет. Мы можем оценивать лишь степень вероятности. Может быть хилая модель, но мир вокруг меняется, и данная модель оказывается наиболее адекватной – это как рецессивная мутация в развитии биосистем. И наоборот: есть сильная, хорошо адаптированная модель, но резко меняется ситуация и условно: динозавры вымирают, а маргинальные “землеройки” захватывают освободившиеся экологические ниши.

4.4. Есть ли методология, позволяющая строить заведомо жизнеспособные системы?

– В стремительно меняющемся мире скорее возможны принципы негативного ряда – т. е. то, чего не следует делать.

4.6. Есть ли своя модель будущего у нас?

– Пока я её не вижу. А вообще модели рождаются в борьбе, в частности – в сопротивлении Злу.

5. Вы неоднократно упоминаете в своих лекциях теорию систем. Но единой для всех теории систем нет, их десятки.

5.1. Какую из них имеете в виду Вы?

– Теория систем – штука универсальная, у неё есть подразделы, например, теория живых (антиэнтропийных) систем, куда входит общество.

5.3. Есть ли сейчас в этой теории систем приложение, описывающее общество?

– Есть различные теории социальных систем, например, теория формаций Маркса, кстати, далеко не худшая. Теории Александра Богданова, Вильфредо Парето.

6. Какова роль авраамических религий в жизни общества?

6.1. Как вы относитесь к работе Л. Н. Толстого “Почему христианские народы вообще и в особенности русский находятся теперь в бедственном положении”?

– Толстой зафиксировал очевидные вещи – отличие того, о чём, согласно Евангелиям, учил Иисус, от того, что стало Библейским проектом, у истоков которого стоит Павел, в последнем на самом деле много осталось от Савла. Действительно, там, где у Иисуса – любовь, у Павла и церкви – страх; Иисус конфликтовал с властью, Павел и церковь призвали к подчинению им. В схеме Павла много от Ветхого завета – этого “окна уязвимости” христианства. Не случайно в России в XIX в. Ветхий и Новый завет не печатали под одной обложкой. Что касается различий между мечтой, революци-

онным порывом, с одной стороны, и организацией, этот порыв утилизирующей, то Ф. Достоевский посвятил этому “Легенду о Великом инквизиторе”. Иисус вряд ли додумался бы до инквизиции, иезуитства и догмата о непогрешимости папы.

6.2. Согласны ли Вы с тезисом, что после Христа христианство было переписано фарисеями?

— После Христа христианство было не переписано, а создано; процесс создания длился 150–200 лет (III–IV вв. н. э.), когда был создан корпус литературы и выстроены — по модели Римской империи — иерархия и территориальное устройство. Был разработан Библейский проект, адекватный новой эпохе. Если до этого в зоне Средиземноморья социальный контроль носил внешний характер, главными были “культура стыда” и внешне-силовой контроль — “египетская модель”, нашедшая максимальное воплощение в Римской империи и римском праве, то изменившиеся условия потребовали более тонких и более глубоких, интериоризированных форм уже не просто социального, но социально-психологического контроля — изнутри. Отсюда — “культура совести”. Т. е. мир и человек на рубеже I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. настолько усложнились, что одного насилия оказалось мало. Библейский проект — это и есть комбинация внутреннего и внешнего подчинения с приматом первого, причём часть функций внешнего подчинения взяла на себя христианская церковь, поэтому многие социальные движения принимали форму ересей.

К концу XV в. католическая церковь настолько скомпрометировала себя, а ереси настолько расшатали её положение, что ей был брошен вызов со стороны протестантизма. Будучи ударом по католицизму и противостоя ему (по накалу — вплоть до религиозных войн XVI — первой половины XVII вв., по сравнению с деятелями которых наш Иван Грозный — это пример гуманизма и набожности), протестантизм парадоксальным образом не только ослабил, но временно отчасти укрепил Библейский проект. Во-первых, он создал его более современную (в плане ориентации на деньги, на успех, на селективную избранность — в этом плане протестантизм есть максимально иудайзированная версия христианства), более жестокую и в то же время более простую форму; во-вторых, стал своеобразным клапаном для исхода недовольных из *Rex Catholica*, внеся в последний успокоение. Но ненадолго. Время работало против обеих версий христианства, отколовшихся от ортодоксии (православия). Наступала новая эпоха, для структурного и рефлексивного управления в которой нужно было институционально оформленное рациональное знание — наука. И не случайно в той же Франции развитию такого знания (например, в лице Декарта) способствовали иезуиты.

В XVIII — начале XIX в. Библейский проект, трещавший по швам, пережил ещё одну мутацию: христианская вера была отброшена, и появилась сначала протоидеология в виде проекта британских масонских лож, реализованного главным образом на французской почве, — Просвещение, а затем идеология в трёх её базовых формах: консерватизм, либерализм, марксизм. Это были уже безрелигиозные, т. е. терминальные формы Библейского проекта, выступавшие одновременно и как средства борьбы, и как формы социального контроля над резко усложнившейся общественной средой. Как когда-то христианские священники отодвинули или уничтожили жречество (на территории Руси — ведическое), так в XVIII–XX вв. масоны, идеологи либерализма, марксизма, нацисты обрушились на христианскую церковь. В данном случае весьма уместно вспомнить фразу блаженного Августина о том, что “наказание без вины не бывает”, или: каким судом судите...

Вообще нужно сказать, что исходная сложность христианства, отражающая сложность европейской цивилизации эпохи поздней античности (элементы античности, иудейской и германской традиций), — это одновременно и сила, и слабость. Сложная композиция может быть разобрана на части. Это ислам един — его можно только на куски рубить, а вот христианство чревато неожиданными мутациями. Ведь заметил же Н. А. Бердяев, что христианство чревато католицизмом, католицизм — протестантизмом, а протестантизм — атеизмом (я бы добавил сюда масонство). Это одна линия. Католицизм чреват вырождением в неожреческую иерархию. И разве папа римский после принятия догмата о непогрешимости папы — это не верховный жрец неоязыческого

по сути культа? А непростые отношения христианства и иудаизма, уже провозглашённого римским первосвященником “старшим братом”? И не является ли “старший брат” Большим Братом? Кто-то скажет: откуда язычество? Христианство – монотеистическая религия. Но, во-первых, “язычество” – это негативный ярлык, который представители авраамических религий вешают на всё неавраамическое. Во-вторых, иудаисты и мусульмане ставят под сомнение “твёрдую искренность” христиан в монотеизме – Троица, иконы. Так что не всё так просто с христианством, и то, что способствовало его экспансии, может оказаться серьёзной проблемой. Впрочем, кажется, в том же Ватикане хорошо это понимают.

В настоящее время Библейский проект почти на финише, равно как и феномен идеологии; мировые верхушки срочно ищут замену. И уже сегодня кое о чём можно догадаться. **С одной стороны**, “хозяева мировой игры” лихо крушат образование и науку, уводя первое и вторую в закрытые структуры, стремясь превратить население в вечных подростков, которым культуру заменяют комфорт и чувство глубокого физического удовлетворения. Приведу только два примера – американское кино и телевидение. В своё время журналист Д. Робинсон в газете “Таймс” написал следующее: “1985 год войдёт в историю как самый мрачный период в американском кино. Именно в этом году Голливуд после почти семидесятилетнего господства в кинопромышленности отбросил всякие претензии на то, чтобы служить здоровому интеллекту взрослого человека”. А вот что поведала ведущая довольно примитивной передачи о здоровье “Жить здорово” Е. Малышева. В передаче “На ночь глядя” (от 11.02.2016 г.), взяв за основу повествовая о своём журналистском обучении вместе с другими восточноевропейцами в США в середине 1990-х годов, она сказала, на кого их учили ориентироваться в своих телепередачах: “Вы должны делать телевидение по простоте изложения для одиннадцатилетних недоразвитых подростков”. Судя по передаче, она это и делает. Какой контраст с передачами о здоровье советского времени, которые вела, например, умная, интеллигентная, далёкая от самодовольства и воспитанная Э. Белянчикова!

Превращение взрослых людей в недоразвитых подростков, живущих не интеллектом, а гормонально-инстинктивными программами, попросту говоря, дебилизация (этому служат и всевозможные ток-шоу) преследует простую цель: воспитать абсолютно несамостоятельную личность, которую будет легко подключить к глобальной коммуникационной сети в качестве полностью управляемой “клетки”. Творческого, минимально интеллектуального человека в “клетку” электронного мозга, контролируемого неужрецами и техно-магами, не превратишь.

С другой стороны, всё больше средств вкладывается в исследования NBICS – нано-био-инфо-когно-социо. Речь, по-видимому, идёт об установлении дистанционного контроля живущей на плавучих городах или в недоступных сухопутных анклавах элиты над психосферой массы населения. Что-то подсказывает мне: сегодня в виде и под маской дистанционного образования, максимально примитивизирующего само образование, исключаящего из него личностное начало (учитель) и дебилизирующего объект обучения, на самом деле отрабатываются методы и формы дистанционного психо-социоконтроля “верхов” над “низами”. Думаю, однако, эта схема провалится, прежде всего – в России. Борьба с регрессорами требует одну важную вещь: их ни в коем случае нельзя персонализировать, это не личности, а функции, биороботы Матрицы, внешне цивилизованные и порой благообразные орки. Но орк есть орк, т. е. нечто своей воли не имеющее и подгоняемое чужой злой волей.

6.3. Разве христианство это не религия, созданная рабовладельцами для рабов?

– В конечном счёте, если огрублять, спрямлять и определять нечто по социальной функции, то да, – Иисус, ясно, это о другом. Но ведь и Маркс – это одно, а марксизм – это другое, недаром Маркс говорил, что он не марксист. Интересно, что бы сказал Иисус о творцах системы христианства, не говоря уже о нынешнем состоянии последнего? Думаю, вспомнил бы своё “не мир, но меч...”. Впрочем, “рабовладельцев и рабов” можно поменять на “феодалов” и “крестьян”, “буржуа” и “пролетариев”. Христианская церковь просуществовала в трёх социальных системах – антично-рабовладельческой,

феодальной и капиталистической (и даже в системном антикапитализме – СССР – сохранилась, правда, в модифицированном чекистами виде).

6.4. Согласны ли вы с тезисом, что исповедание чужой (пришедшей от другого народа) религии – это духовное порабощение?

– Конечно, согласен. Это духовная диверсия, когда чуждый имплант интериоризируется, и некая система (этнос, государство) становится почвой для самореализации Чужих. Заёмные боги – это как кредит под очень высокий процент, только отдавать долг приходится не деньгами, а искорёженной исторической судьбой.

6.5. В лекциях Вы говорите: “Ордынский период был самым благоприятным для РПЦ”. Не привело ли принятие Ордой в XIV веке ислама к борьбе на уничтожение?

– Не привело. Православные священники молились в церквях за басурманского царя, благоволившего к ним. А вот как только Орда ушла в небытие, русские властители сразу же взялись за церковь. Первые шаги в этом направлении сделал Иван III, продолжили – круто – Иван IV и – мягко по форме, но жёстко по содержанию – Алексей Михайлович. Ну а Пётр I привёл форму в соответствии с содержанием: патриархия была отменена, вместо этого учредили Синод, де-факто – министерство по делам церкви. Так что действия большевиков по отношению к церкви, если отвлечься от эксцессов Ленина и Троцкого, а также полутроцкиста Хрущёва, вполне в русле и традиции русской власти. В России со времён оболганного Ивана Грозного церковь всегда была при власти, самодержец был главнее церковных иерархов, которым в случае чего быстро указывали их место. Поэтому-то церковь и поддержала в 1917 г. февралистов, предвкусывая свободу от верховной светской власти. Весьма недалёковидно: вскоре большевики им это объяснили. Кстати, в это же время, только намного более зверски (латиноамериканский темперамент), мексиканские революционеры объясняли католическим священникам их историческую неправоту. Беда только, что в обоих случаях – русском и мексиканском – пострадало много ни в чём не повинных простых священников.

6.6. Годится ли нам православие в качестве государственной идеологии?

– Православие не годится в качестве государственной идеологии по нескольким причинам. Во-первых, религия и идеология – принципиально разные формы организации идей; идеология по своей сути есть отрицание религии; совпадение функций в данном случае неважно. Во-вторых, как говорил В. Г. Белинский, русский мужик не религиозен, он суеверен. Кстати, до середины XVII в., до реформы Алексея – Никона на русском православии лежал сильный отпечаток ведической религии. До этого поворота не было формулы “я – раб божий”, вместо этого – “отрок божий”, т. е. потомок бога. Это типичная формула ведической религии славян, в которой боги – предки людей. В-третьих, в России под православием, как и под монархией, черту подвёл 1917 г. – *vixerunt* (отжили). Интересно, что как только после февральского переворота солдатам разрешили не ходить на молебны, более 80% перестали это делать – вот такой “народ-богоносец”. Вообще у нас представление о русском человеке сформировано несколькими писателями, которые русского мужика практически не знали. Это прежде всего Лев Толстой и Фёдор Достоевский, фантазии которых (в одном случае светлые, “дневные”, в другом – больные, “ночные”) мы принимаем за реальность. Читать-то в этом плане надо прежде всего Н. Лескова, отчасти Г. Успенского и А. Чехова, ещё от меньшей части – И. Бунина. Но это к слову. В-четвёртых, Россия – полирелигиозная страна, я уже не говорю о том, что у нас полно атеистов (вот я, например, атеист). А то, что бывшие коммунистические начальники со свечкой в церкви стоят, так это у них просто замена партбилета. Был партбилет, теперь вместо него иконка и свечка. Как говорил Аввакум, “ишо вчера был блядин сын, а топерво батюшко”. В-пятых, время религии во всём мире уходит; нынешний взрыв исламизма – явление политическое, это арьергардные бои.

7.1. Почему в соцлагере повсеместным явлением было недовольство жизнью и правительством?

– Причин несколько. Во-первых, люди не ценили то, что имели. Они видели фотографии или кадры из западных кинофильмов – полные прилавки, 100 сортов колбасы и сыра, модная одежда; они сравнивали зарплаты. При этом они “забывали”, сколько на Западе уходит на уплату налогов (до 50%), “забывали” про платную медицину и образование, кредитное рабство, короткий отпуск. А у себя “забывали” добавить к зарплате те расходы, которые несёт система по обеспечению бесплатной медицины, образования и многого другого. Когда после разрушения они это почувствовали, было поздно. Как говорится в Коране: “Пусть наслаждаются, потом они узнают!” Сегодня ясно: для России и Восточной Европы десятилетия социализма были лучшим и в плане благосостояния, и в плане исторической субъектности временем.

Во-вторых, социализм – значительное более уязвимое для критики общество. Он постулирует социальную справедливость и равенство, а они-то как раз и нарушались в ходе развития социализма и превращения номенклатуры в квазикласс, удовлетворяющий свои материальные потребности в значительной степени на Западе. Это было явным противоречием реальности и прокламируемым идеалам. А вот капитализм (и постсоветская реальность в той же РФ, Чехии, Болгарии и т. д.), тем более, когда после разрушения социализма некого бояться и некого стесняться, как бы заявляет: да, у нас эксплуататорское общество, рынок, конкуренция – выживает сильнейший – это и есть свобода. Многие претензии, которые можно предъявить социализму, не могут быть предъявлены капитализму. Что можно сказать тому, кто постулирует: “Да, вот такое я дерьмо! Это норма!” И что тут скажешь? Иными словами, значительная часть недовольства в соцстранах – это недовольство нарушением принципов социализма и глупая уверенность, что это можно исправить инъекцией капитализма.

Исправили? Стало лучше? Перефразируя Гоголя: “Ну что, сынку, помогли тебе твои пиндосы? Стала твоя родина вторым Пиндостаном?”

В-третьих, почти всех жителей Pax Socialistica в той или иной степени раздражал СССР, раздражали русские – сильные всегда раздражают. Всех – по разным причинам: поляков – потому что мы их били и потому что, как бы они ни кичились, великой культуры не создали, а как были, так и остались (и остаются) задворками Запада, а Россия и великую культуру создала, и империю; многих – потому что легли под Гитлера, а русские не только не легли, но и хребет сломали Третьему рейху; у нас есть Победа – у кого в Европе ещё она есть? Русские – единственный славянский народ имперского типа, создавший успешную империю (сербы тоже имперский народ, но исторически по объективным причинам им трудно было добиться успеха). Это противопоставляет русских почти всем славянам, а также всем неимперским народам, оказавшимся в русской орбите, но так и не выработавшим исторической благодарности за то, что русские всегда защищали их от Запада, прежде всего от немцев, от волчьей тевтонской стаи. Поэтому прав был К. Леонтьев в своём скепсисе по отношению к “славянскому братству”. “Имперское братство” прочнее. Надо помнить об этом, когда к середине XXI в. под натиском миллионов арабов и негров Европа начнёт трещать и народ ломанётся в Россию за защитой. Нам надо будет “вспомнить всё” – без злорадства, но и без эмоций, только с трезвым расчётом. Хватит спасать неблагодарных, которые на второй день после очередного спасения плюют нам в спину и начинают косить “под Запад”. Когда я слышу, как те же поляки говорят “мы – Запад”, мне хочется сказать им: “Расскажите это немцам!”

7.2. Было ли это следствием плохой экономики?

– Экономика – элемент системы; система (внеэкономическое распределение факторов производства, классовый интерес) определяет элемент, а не наоборот. К тому же экономика СССР и соцлагеря в целом не была плохой или слабой. Взглянем на цифры.

До 1985 г., т. е. до перестройки, СССР занимал второе место в мире и первое в Европе по производству промышленной продукции. В 1975 г. удельный вес СССР в мировой промышленной продукции составлял 20% (для сравнения: в 1999 г. США – 20,4%, Евросоюз – 19,8%); советский ВВП был 10% от мирового. В том же 1975 г. национальный доход СССР составлял 60–65% национального дохода США. Израильская разведка давала ещё боль-

шие цифры, согласно подсчётам израильских аналитиков, уровень жизни в СССР, включая платные и бесплатные услуги, а также так называемые неочениваемые гуманитарные факторы (уровень преступности, социальной защищённости), составлял 70–75% от американского и имел тенденцию к сближению с ним. С 1970-го по 1975 г. доля отраслей, в наибольшей степени определяющих эффективность народного хозяйства (машиностроение, электроэнергетика, химическая и нефтехимическая промышленность), выросла с 31% до 36%; затем началась пробуксовка, но достигнутый к 1975 г. уровень был высоким. При этом за указанный период выпуск продукции машиностроения увеличился в 1,8 раза, в том числе вычислительной техники – в 4 раза (на рубеже 1960–1970-х годов были свёрнуты важнейшие направления в этой сфере, но не все, впрочем, отставание от США по ЭВМ нарастало стремительно), приборов, средств автоматизации и запчастей к ним – в 1,9 раза. В 1975 г. при населении 9,4% от мирового СЭВ давал более 30% мировой промышленной продукции и более 25% мирового дохода; СССР производил 60% промышленной продукции СЭВ. С 1951 по 1975 г. доля социалистических стран в мировой промышленной продукции увеличилась в 1,5 раза (с 20% до 30%), тогда как доля капиталистических стран снизилась с 80% до 50% (а США – с 50% до 22–25%).

К этому следует добавить успехи советского сельского хозяйства 1985–1990 гг. и особенно 1991 г.: рост составил 9,8% по сравнению с 5,8% в предыдущей пятилетке. СССР обеспечил самые низкие цены на продовольствие в Европе. Потребление продовольствия на душу населения в 1990–1991 гг. достигло максимума в нашей истории XX в.: хлеб – 119 кг, мясо – 75 кг, рыба – 20 кг, молоко и молочные продукты – 386 л, яйца – 97 штук. 1990-й и 1991 годы отмечены исключительно большим урожаем и ростом поголовья скота. А полки в магазинах при этом были пустыми – дефицит создавался сознательно, чтобы окончательно озлобить население городов против социализма, спровоцировать беспорядки. У колхозов сознательно не закупалась их продукция, вместо этого сельхозпродукция закупалась у канадских фермеров – в 5–6 раз дороже. Таким образом рушили и колхозы. Всё это делалось ещё и для того, чтобы запугать население угрозой голода, чтобы обосновать повышение цен. Последнее, представлявшее не что иное, как экспроприацию денег у населения, должно было лишить народ финансовых возможностей участвовать в приватизации, которую планировали для своих. Запугивание населения правительством и официальными СМИ осенью 1991 г. было, таким образом, важнейшей подготовительной акцией приватизации.

На самом деле никакой угрозы голода не было, это была ложь, сходу разоблачённая специалистами, позже их правоту подтвердило ЦСУ. Е. Т. Гайдар настаивал на том, что полугодовая потребность страны в хлебе якобы составляет 25 млн тонн, а на конец 1991 г. в стране якобы имеется лишь 10 млн тонн при месячном потреблении 5 млн тонн; отсюда вывод: через два месяца – голод и угроза гражданской войны. Именно на этом держится лживый либеральный миф о “Гайдаре – спасителе страны”. Действительность была совершенно иной. Гайдар сознательно считал хлеб с кормовым зерном, т. е. месячное потребление – 2 млн тонн; к этому надо добавить имевшиеся 2 млн тонн из Госрезерва и 3,5 млн тонн зерна по импорту, которое должно было поступить в декабре 1991 – январе 1992 г., т. е. до нового урожая в конце июля – начале августа 1992 г. этого более чем хватало. Но главная ложь Гайдара была даже не в 5 млн тонн ежемесячного потребления хлеба страной, а в том, что 26 млн тонн – это годовое, а не полугодовое потребление, что и подтвердил статистический отчёт 1992 г. Однако осенью 1991 г. ельцинской команде удалось протолкнуть свою ложь во все СМИ.

7.3. Возможна ли система, похожая на социалистическую, но с хромой экономикой?

– Я уже сказал, что социалистическая экономика не была слабой; более того, она была успешной, особенно в сравнении с капиталистической, как это парадоксально ни прозвучит. У нас, к сожалению, плохо представляют себе реалии экономики США в 1970–1980-е годы. Сейчас у нас не социализм – у нас хорошая экономика? В большей части капиталистического мира – плохая экономика и тяжёлая жизнь. Это признавали даже такие апологеты западнизма-капитализма, как Г. Явлинский и Е. Гайдар. Они фиксировали “жалкое состояние” и “застойную бедность” большинства капиталистических стран.

Правда, рецепт успеха у них был странный: отказ от части суверенитета на пути евроатлантической интеграции, иначе – периферийности и бедности. Трудно сказать, чего здесь больше – заведомой лжи или непроходимой тупости. Ведь именно уступка суверенитета Западу, которая ведёт к диктату ТНК, и является причиной бедности и периферийности большей части капиталистических стран. Мир капитала – это мир бедности, причём растущей: в 2009 г. 1% населения владел 44% мирового богатства; в 2014 г. – 48%; в 2016 г. – 50%. В 2015 г. за чертой бедности (жизнь на менее чем 1,25 долл. в день) в мире жило 830 млн чел. (14% населения); ещё около 40% живут на 2 долл. в день. “Хорошая экономика” – в той части капмира, который грабит слабых (колонии, полуколонии) и штампует долларовые бумажки. Да, лишний раз подивисься, людей с каким уровнем интеллекта выбросила наверх перестройка и постперестройка. Впрочем, возможно, именно таких и подбирали для реализации полукOLONиальной схемы.

7.4. Дефицит и очереди – это неременный спутник социализма?

– К сожалению, дефицитарность экономики – характерная черта социализма, в том виде, в котором он реально существовал в истории. У неё несколько экономических и политических причин. Это, во-первых, необходимость ускоренного развития военно-промышленного комплекса и поддержания военно-стратегического паритета с Западом при меньшем ВВП, чем у коллективного Запада. При этом надо помнить, что в соцлагере основная военная нагрузка ложилась на СССР, тогда как в НАТО военные расходы распределялись несколько более равномерно. Например, в 1975 г. военные расходы Варшавского договора – 110,3 млрд долл., из них СССР – 99,8 млрд; НАТО – 184,9 млрд, из них США – 101,2 млрд; 1980 г. соответственно 119,5 млрд и 107,3 млрд и 193,9 млрд и 111,2 млрд. Естественно, что такие страны, как промышленно развитые ГДР и Чехословакия, сталкивались со значительно меньшим дефицитом. Что касается Польши, Румынии, Венгрии и Болгарии, то это были исходно очень бедные страны. Сейчас во всех названных странах дефицита нет, а люди живут намного хуже.

В СССР в 1990 г., т. е. накануне краха системы, когда нас убеждали, как всё плохо, и стращали грядущим голодом, потребление мяса и мясопродуктов составило 78 кг на душу населения (импорт – 13%), а спустя 15 лет в РФ – 57 кг (импорт – 35%). Так что не всё нужно мерить дефицитом как изолированным показателем. Во-вторых, конечно же, у дефицита были экономические причины, связанные со спецификой социализма как системы, – неповоротливая административная система, отсутствие совершенствования социалистических методов планирования; так, в СССР плановая экономика де-факто прекратила своё существование в 1972–1973 гг. и на смену ей пришла согласительная экономика, которую пытались “лечить” капиталистическими методами. Долечились. В-третьих, дефицит, плохо совместимый с экономической жизнью системы, был создан в СССР искусственно в 1989–1990 гг. посредством реализации закона о госпредприятии (принят 30 июня 1987 г., для всех предприятий вступил в силу с 1 января 1989 г.). Согласно этому убийственному для экономики СССР закону, большое число предприятий получило право непосредственного выхода на мировой рынок, т. е. была де-факто ликвидирована монополия внешней торговли. Товары этих предприятий реализовывались на мировом рынке за доллары; затем внутри страны доллары обменивались на рубли и возникала огромная рублёвая масса, не обеспеченная товаром. В СССР со времён кредитной реформы 1930–1932 гг. жёстко поддерживалось равновесие между товарной массой и денежной массой, между налом и безналом. Действие закона о госпредприятии уже в 1989 г. сломало эту систему, и население бросилось сметать с полок всё, что было в магазинах. В 1990–1991 гг. иные ретивые “демократы” открыто призывали создавать дефицит для озлобления масс против системы, против социализма, в качестве спасения от которого подсовывалась “рыночная экономика”, т. е. капитализм.

Вообще нужно сказать, что мы до сих пор живём мифами – о себе самих, о Советском Союзе, о дореволюционной России, о наших исторических деятелях. После 1991 г. на щит вдруг встали поднимать совершенных неудачников, делать из них фигур исторического масштаба – Александра II, заложившего фундамент революций 1905 и 1917 гг., П. А. Столыпина, Николая II. Всё это проецируется на сегодняшнюю действительность и, будучи основано на плохом знании истории, чревато негативными практическими результатами.

Пример: создали Столыпинский клуб (которому, кстати, поручали разработку программы экономического развития РФ). Клуб имени Столыпина. Организаторы, по-видимому, исходят из того, что это был успешный государственный деятель, решивший задачи, которые стояли перед страной. Ну как же: вспоминаются слова Петра Аркадьевича о “великой России” и т. п. Однако если бы “столыпиноклубники” лучше знали историю, то, скорее всего, засомневались бы: как яхту назовёшь, так она и поплывёт. Одно дело – “Победа”, другое – “...беда”. По-видимому, клубникам импонирует то, что Столыпин хотел провести массивную приватизацию земли (причём принудительную) и разрушить коллективное хозяйство. Это вполне в духе ельцинщины, схем Гайдара – Чубайса и их заокеанских кураторов. Вот только с результатами столыпинской реформы – облом. Реформа не остановила падение всех показателей на душу населения, напротив, она их ускорила, и община крестьянства центра страны приобрело катастрофический размах.

Первый сельскохозяйственный съезд, состоявшийся в Киеве в 1913 г., зафиксировал: большинству крестьян реформа ничего не дала – провалилась. Временное правительство в 1917 г. признало столыпинскую реформу несостоявшейся. Показательно, что к 1920 г. в ходе Гражданской войны крестьяне вернули 99% земли в общинную собственность – ответ крестьян Столыпину.

Столыпин – типичный реформатор-неудачник, его деятельность – это не победа, а беда, в том числе и для того строя, интересы которого защищал Столыпин и существование которого стремился продлить.

Ещё более плачевными были политические результаты реформы. Стремясь разрушить общину, Столыпин превратил самый массовый слой наивных монархистов-консерваторов, коими были крестьяне, в аграрных революционеров. А о том, что произошло бы с Россией, если бы Столыпин не оказался горе-реформатором, вообще страшно подумать. В этом случае революция в России произошла бы году эдак в 1912-м или 1913-м, поскольку в город оказались бы выброшены 20–30 млн лишившихся земли крестьян, которые не нашли бы в городе никакой работы. Вот тут-то и шарахнуло бы, причём намного круче, чем в 1917 г. Столыпин – против своей воли – и так приблизил революцию, но он мог бы приблизить её ещё больше.

И закрадывается мысль: а может, “столыпиноклубники” всё это знают и тайно симпатизируют революции? Имеют какие-то идеи на этот счёт? Скорее всего – нет. Но тогда – срочно школьный учебник по истории в руки.

Это лишь один пример того, к каким казусам приводит плохое знание собственной истории, а примеров таких много.

8. Геоклиматические катастрофы:

8.1. Это случайность или реакция разумной планеты (а то и Космоса) на разрушение ее человеком?

– Геоклиматические катастрофы происходили и до появления человека. Даже сегодня масштаб деятельности человека ещё настолько невелик, что на глобальную геоклиматическую катастрофу не потянет. Не надо слушать недобросовестных экологов. Но природу охранять надо, в том числе от человека. Что касается термина “разумный”, то вряд ли он применим к планете. Я бы предложил: организованная целостность, ориентированная на поддержание равновесия, т. е. самосохранения, и устраняющая любые элементы, угрожающие целому. Внешне это выглядит как разумное поведение, но это нечто другое – не хуже и не лучше – другое.

8.2. Серьезность отношения к ним западной элиты – это проявление того, что они больше нас знают о том, как функционирует природа?

– Во-первых, больше знают, западные элиты старше нашей. Во-вторых, они лучше организованы, они укоренены в своей истории. Наши “элиты” – допетровская, петербургская, советская – существовали относительно недолгий срок, чтобы стать действительно элитой. К тому же у нас господствующие группы никогда не были самостоятельными, представляя собой функциональные органы власти, а элитарность – это всегда субъектность.

Исследования о возможности геоклиматической катастрофы ведутся на Западе в закрытом режиме последние 50–60 лет. По моей информации, в середине 1980-х годов у западных исследователей возникла уверенность в том, что в Западном полушарии в конце 1990-х годов произойдёт широкомасштабная

катастрофа и что единственной стабильной зоной будет территория СССР. В начале 1990-х годов тревога улеглась, сроки отодвинулись, но сама угроза геоклиматической катастрофы никуда не делась.

8.3. Считаете ли вы возможным мнение, что наша планета сама стирает тупиковые ветви развития, будь то динозавры или бесперспективные цивилизации (“Молот Люцифера”)?

– Вполне возможно. Планета – целостная система.

9. Согласны ли вы с тем, что современное общество похоже на больной раком организм, лишенный вдобавок чувства боли?

– Согласен, но чувство боли есть, оно проявляется уродливо – в кривлянии, например. Эта боль корёжит, даже уродов и социопатов. А что касается вашей метафоры, то мне порой кажется, что есть огромная опухоль, с краю которой примостилось то, что осталось от здорового общества. Тут поневоле вспомнишь о “бритве Оккама”.

9.1. Верхи не испытывают дискомфорта при попадании низов в тяжелое положение.

– Верхи, как правило, вообще бесчувственны по отношению к низам, особенно те верхи, которые вчера вылезли из грязи, которые по своей сути – антиаристократичны, рвань. Достаточно вспомнить недавнюю историю, когда очередная группа “аристократов из помойки” требовала оградить их “Патрики” от “шариковых” из спальных районов Москвы. Люди не понимают, что своим социальным расизмом сами разжигают классовую ненависть, которая потом ударит по ним или по их детям. Им бы Джона Донна почитать: “Не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по тебе”.

9.2. Низы не имеют свободы манёвра для выхода из тяжелого положения.

– Социальный триумф низов – редчайшая вещь в истории. СССР был в течение нескольких десятилетий триумфом простонародья, однако с середины 1950-х годов народный социализм сталинской эпохи начал превращаться в “номенклатурный социализм” столоначальников, которым уже с конца 1960-х годов очень захотелось интегрироваться в мировую капиталистическую систему; то, что они были хозяевами мировой социалистической системы, их не вдохновляло.

Причём мировая капсистема ассоциировалась у многих из этих людей, равно как и у их постперестроечных наследников, со сладкой и красивой жизнью, нередко – в её наиболее вульгарном варианте. Это очень напоминает мне мечты бандита Джона Колорадо из фильма “Золото Маккены”, бережно хранящего пожухлую газету “Парижская жизнь”, в которой изображены канканирующие девицы, богатые кабаки и их завсегдатаи. “Парижская жизнь” – доминанта его поведения.

Те, кто разменял мировую соцсистему, альтернативную капитализму, обижаются, что им не зарезервировали место в центре капсистемы. Болезные, раньше вы были хозяевами Большой Системы; согласившись же на “запись в буржуинство”, т. е. на включение в другую Большую Систему в качестве её элемента, вы согласились на положение хозяйчиков малой системки, превратив в неё Большую. Целое определяет элемент, а не наоборот. Хозяйчик не может сидеть рядом с хозяином, для которого он лишь приказчик. Это с хозяином Большой Системы СССР хозяева Запада были на равных, а теперь – excuses nous (извините нас). Вышло по Тимуре Кибирову: “Мы сами заблевали тамбур. / И вот нас гонят, нас выводят”. Даже со впадающим в маразм Брежневым ни один западный лидер не позволил бы себе разговаривать так, как с поздним Горбачёвым или Ельциным.

10. Современный капитализм – это мельница по перемалыванию ресурсов и спускация их в помойку. Многие из этих ресурсов невосполнимы.

– Нынешний капитализм и есть помойка. Один из его символов – это инсталляция с фекалиями, драными джинсами и ажурным женским бельём.

10.1. Возможна ли плановая бескризисная экономика, ориентированная на удовлетворение человеческих потребностей?

– Едва ли. Неравновесность и нелинейность – имманентные качества живой природы; “вечный покой сердце вряд ли обрадует, вечный покой для седых пирамид”. А если говорить о наступившем столетии, то это вообще будет глобальный “бунташный век”, нестабильность и кризисы – его норма.

10.2. Возможна ли ресурсоориентированная экономика, где финансы займут положенное им подчиненное место?

– Конечно, возможна. Взбесившиеся финансы – это признак смертельной болезни капитализма, его “поцелуй смерти”. Ни в одной социальной системе, кроме капитализма, причём только на его поздней, летальной фазе, мы не видели настолько всеохватывающей власти – даже не денег, а чего-то странного, ведь деньги по сути отмерли. Если ты можешь напечатать сколько угодно ничем не подкреплённых бумажек, то это значит, что ни одной из пяти базовых функций денег у этих бумажек нет. Это нечто вроде очага, нарицательного на холсте.

10.3. Что помешало Леонтьеву создать теорию такой экономики?

– Не знаю. Может, время не пришло; может, интересы были в другом; может, США – не лучшее место для разработки такой теории.

11. Любая наука ценна базирующимися на ней предсказаниями. Какие предсказания может предложить историческая наука сегодня?

– Историческая наука ничего предложить не может. Предлагают люди, т. е. историки, а они, как правило, занимаются прошлым, причём чаще всего описывают его мелкие кусочки. Научную историю – историологию – ещё только предстоит создать.

Прогноз на ближайшее будущее прост: капитализм умрёт, он едва ли доживёт до середины XXI века и уж точно не доживёт до начала XXII века. Умирать он будет некрасиво и кроваво. Значительная часть планеты варваризируется. Белых людей на ней станет заметно меньше, и им предстоит сражаться насмерть, чтобы остаться в истории, но – сами виноваты, что допустили такую ситуацию. Уже сейчас детей, прежде всего мальчиков (из них вырастут мужчины), нужно воспитывать для жизни в условиях военного времени: “Хочешь мира – готовься к войне”. И воспитывать нужно на примере не педерастов и проституток, а на героических примерах. Обратите внимание: с экранов исчезла героика, из школьных кабинетов исчезли портреты пионеров-героев.

Идеология и религия останутся в прошлом, их место, скорее всего, займёт магия, тесно связанная с высокими технологиями, прежде всего когнитивными. Уровень культуры общества в целом будет падать. Семейные библиотеки станут роскошью, но волевой интеллект и знания в футуроархаическом мире будут цениться весьма высоко. Совет родителям: всерьёз занимайтесь образованием детей, не позволяйте ЕГЭзированной школе превращать их в космополитичных дебилов.

Если не произойдёт катастрофы, то на рубеже XXI–XXII вв. ситуация стабилизируется и возникнет новая социальная система, весьма далёкая от той, что описали великий Иван Ефремов в “Туманности Андромеды” и ранние Струцкие в книге “Возвращение. Полдень, XXII век”. Какая конкретно система – это зависит от того, кто и как в XXI в. победит в борьбе за будущее. Вывод: растить надо победителей. Впрочем, всё может изменить геоклиматическая катастрофа или, например, огромный астероид, как это произошло 65–70 тыс. лет назад, когда от человечества осталось несколько тысяч, если не сотен людей, проскочивших сквозь “бутылочное горлышко” Истории. Мы – их потомки. Не исключено, что (условно) внукам наших внуков придётся пережить катастрофу такого рода. Это не значит, что нужно быть пессимистами, наоборот. Как учил великий марксист XX в. Антонио Грамши: “пессимизм разума, но оптимизм воли”. Или как говорил герой рассказа Д. Олдриджа “Последний дюйм”: “Человек может всё, если только не надорвёт пупок”. Чтобы смочь, надо иметь силу; чтобы не надорвать пупок – ум. Вкупе с пониманием тенденций мирового развития – это мощнейшая триада, необходимая для Победы. Вперёд, к Победе!

Беседу вёл О. Морозов